

ГЛАВА 1

Летнее солнце повисло над лесом и будто зацепилось за пышные кроны. Оно никак не хотело заходить, заливая леса и поля золотом своего сияния. Природа затихла в преддверии теплого вечера, лишь на востоке слышалась канонада. Говорят, что страшные бои развернулись где-то под Курском. То ли Красная армия погнала фашистов, то ли фашисты снова ринулись к Москве. Никто толком ничего не знал. Здесь, под Харьковом, трудно было узнать правду. Немецкая пропаганда говорила, что советские войска вымотаны в обороне, что их наступательный пыл иссяк и вермахт вот-вот нанесет сокрушительный удар и «красные орды» покатаются на восток, бросая оружие и знамена. Оуновцы говорили разное, да и сама среда националистов была разношерстной. Кто-то из идейных борцов под крылом представителя Армии Краевой ратовал за новое украинское государство и вечную дружбу с фашистской Германией, которой скоро покорится весь мир,

кто-то более скромно и негромко поговаривал о том, что настоящая свобода возможна только без большевиков и гитлеровцев. А кому-то было все равно. Лишь бы было в руках оружие, лишь бы воля была и горилки побольше. И чтобы не мешали пускать кровь и жидам, и краснопузым, и ляхам, посягнувшим на украинскую свободу.

Андрей остановился, продолжая держать девушку за руку, и снова посмотрел на восток. Его пальцы непроизвольно сжали пальчики Оксаны. Девушка шагнула к Андрею и прижалась щекой к его плечу.

— Страшно, Андрийка, — тихо сказала Оксана. — И сейчас страшно, и потом будет страшно. Сколько горя выпало на долю простого народа, сколько всего еще пережить предстоит.

— Нет, любимая, — сурово сказал юноша. — Страшное скоро кончится. Придет Красная армия и выгонит фашистов с нашей земли. И снова будут звучать песни, снова будут развеиваться ленты в девичьих волосах, когда вы будете водить хороводы.

— О чем ты, Андрийка! — Девушка вскинула голову и посмотрела на любимого с тревогой: — Выгонят одних, а придут другие. И кто лучше? Все нам чужие: и фашисты, и москали! Снова будут насаждать свои красные идеи и грабить Украину.

— Ну, какие ты глупости повторяешь, Оксанка, — засмеялся парень. — Никто нас не грабил и грабить не будет. Всегда была Россия, и всегда на этих землях народ жил вольготно и дружно. Те, кого ты москалями называешь, они ведь и Крым завоевали, и Харьков построили, и Одессу. И казаки вместе с русскими всегда сообща защищали эти земли от иноземцев. Не слушай ты своего отца и его дружков. Ерунду ведь говорят. Выпьют горилки и несут чушь.

— Не говори так о моем отце, — нахмурилась девушка. — Он за эту землю воевал, он в боях с петлюровцами был ранен, руки лишился.

— Ну, не буду, не буду, ласка моя! — улыбнулся юноша и прижал девушку к себе. — Все образуется, все равно настанет мир, и мы с тобой поженимся, и будет у нас с тобой хата. И я выучусь на тракториста и буду пахать землю, а ты с нашими детьми будешь мне приносить в поле обед. И будем мы все жить в мире...

Договорить юноша не успел. В лесу раздались один за другим три выстрела. Андрей схватил девушку и прижал к себе, с тревогой глядя на зеленую стену деревьев. И тут лесную тишь пререзал истошный, абсолютно нечеловеческий крик. Пронесся, пререзал воздух и затих, как будто захлебнулся. Оксана от ужаса вцепилась в руку

Андрея ногтями так, что вот-вот на коже выступит кровь. Но юноша будто и не замечал этого. Что это? Человек ли кричал или зверь? Немцев в округе не было, только в Харькове стоял гарнизон, да западнее города торопливо строились оборонительные позиции.

Андрей отошел с девушкой под большую зеленую березу. Он чувствовал, как Оксану бьет дрожь. А через минуту метрах в ста от них на опушку выскочили всадники на деревенских лошадях. Многие даже без седел. Их было человек двадцать, и от опушки они стали разъезжаться в разные стороны.

— Отец? — удивилась Оксана, вцепившись в руку юноши. — Это отец поскакал!

— Что же это было? — вслух произнес Андрей. — Вот что, любимая, ты посиди здесь и ничего не бойся. Только не уходи с опушки, не вставай в полный рост. А я сейчас вернусь.

— Куда ты? — Девушка продолжала держать руку Андрея.

— Я должен посмотреть, что там произошло, — заявил юноша. — Вдруг там беда, вдруг там нужна помощь.

— Нет, — заявила Оксана, — я не останусь. Пойду с тобой!

Сначала они шли напрямик, но потом Андрей сообразил, что проще будет идти той дорогой, по которой проскакали лошади. Там наверняка деревья пореже, а может, и тропа есть и не надо будет продираться через кустарник. А еще он интуитивно понимал, что крик и выстрелы связаны с присутствием в лесу отца Оксаны и других мужчин, которые недавно проскакали здесь.

И когда Андрей вывел девушку на тропу, то сразу увидел, что там примята трава так, будто по ней что-то тащили. В нескольких местах ему показалось, что он видит на траве и листьях кровь. Местами она была скрыта пылью, поднятой копытами лошадей, но иногда он хорошо различал темные капли. Андрей не стал говорить об этом Оксане, чтобы не пугать ее. А потом они почувствовали запах чего-то горелого. Этот запах был им знаком с самого начала войны. Им приходилось бывать на пожарищах, возле разбомбленных сгоревших эшелонов. За эти два года войны, за время оккупации, молодые люди видели столько трупов, что и не сосчитать. Видели в том числе и обгорелые трупы.

На полянке было сумрачно. Сюда мало проникало света от садившегося солнца. И запах лесной прелой сырости соединялся с удушливым запахом

горелой плоти. Оксана зажала рукой нос, но мужественно шла следом за Андреем. Юноша шел первым, глядя по сторонам, но, когда он увидел догоревший костер и человеческое тело, его едва не вырвало. Горло сдавил чудовищный спазм, в глазах на миг помутилось, но он стоял и смотрел, как будто хотел на всю жизнь запомнить эту отвратительную картину. Оксана вскрикнула и сразу же отвернулась.

— Не смотри на это! Не смотри! — зашептала она, и ее кулачки замолотили в спину Андрея.

А парень не отрываясь смотрел на тело зверски замученного человека. Это был красноармеец, в рваной форме, сквозь прорехи в которой виднелась окровавленная кожа. Он видел пулевые отверстия на бедрах и голених, засохшие потеки крови на одежде. Человеку простреливали ноги, пока он был жив. А потом бросили лицом в костер. Неужели это возможно, неужели можно до такой степени убить в себе все человеческое, чтобы поступать вот так? Можно желать всего, чего угодно: свободы, независимости, можно желать даже смерти врагам, чтобы очистить свою землю от тех, кого ты не хочешь на ней видеть... Но такие зверства? К чему, откуда такая потребность издеваться над людьми? Даже животные, хищники так не поступают. Люди вы или нет?

— И там был твой отец! — с болью, со страшной горечью прошептал Андрей, наконец, отвернувшись.

— Да, да, — замотала девушка головой. — Это страшно, это дико, но для военного времени, для времени, когда весь мир пошел друг на друга стеной, иного и быть не может. Их тоже можно понять, они ведь не за чужое, они за свое...

— За свое... Пусть за свое! — Андрей сжал лицо руками. — Пусть ты ненавидишь! Ну, убей, убивай, если есть такая потребность. Убивай в бою, убивай из-за угла, если в тебе не осталось чести! Но так-то вот зачем? Это уже не война, это... сатанизм какой-то!

— Не говори так! — со слезами на глазах отпрянула от юноши девушка и пылающим взглядом уставилась на него: — Это мой отец, эти люди... они... они...

— Что, Оксанка? — тихо спросил Андрей. — Что? Им плохо жилось при советской власти, их ущемляли, унижали, травили? Чего им не хватало? За что же вот так-то вот? Не понимаю...

Оксана подошла и прижалась к Андрею. Он чувствовал, как девушку сотрясает страшный озноб. И это не реакция тела или нервов. Он понимал, что его любимую раздирает внутренняя борьба. И она понимает, что есть грань между

войной, какой бы она ни была бесчеловечной по своей природе, и дикими зверствами, в которых не было ни военной, никакой другой осмысленной необходимости. Все их прошлые споры именно сейчас уперлись в необъяснимое, недоступное пониманию молодых людей явление. Да и их собственный жизненный опыт ничего не объяснял. Слишком глубока была грань между довоенным радостным, почти праздничным миром, который они помнили, и двумя годами ужаса, ада, смертей и горя.

Адъютант поставил на стол поднос с кофейником и чашками, закрыл высокое окно, задернув штору. Приказаний не последовало. Генерал Мариан Кукель сидел в кресле, с угрюмым видом вытирая лысину платком, как будто в здании царил ужасная жара. И не столько неустойчивая лондонская погода действовала на нервы польскому генералу, только недавно возглавившему вооруженные силы в изгнании, сколько сама ситуация в оккупированной Германией стране. Командовать армией, вести войну на поле боя — не то же самое, что вести войну в кабинете за тысячу километров от линии фронта. Тем более что друзья и союзники в любой момент могут оказаться соперниками и даже врагами, а вчерашний про-

тивник вдруг ринется в друзья и примется отчаянно помогать тебе. И кому верить, как верить? Как вообще принимать решения, когда ты не веришь ни единому слову собственного правительства. Проклятая политика! Спланировать и провести военную операцию легко, а вот спланировать и предсказать предпочтения и поступки политиков невозможно. Если только ты сам годами не варился в гуще европейской политики.

Полковник Януш Филипковский сидел напротив генерала в кресле. Он держался прямо, демонстрируя отменную выправку потомственного военного. На его лице нельзя было прочесть ни сомнений, ни отчаяния. Только холодный расчет и ожидание приказа, чтобы тут же приступить к действиям. Как, оказывается, можно завидовать своим подчиненным, которым чужды сомнения. Которых не касаются политические игры собственного правительства, союзников, таких как Британия, которая готова купить и предать любого из друзей, если это будет выгодно.

— Итак, полковник, вы полагаете, что Гитлер воспользуется такой возможностью и попытается дать ответ за катастрофу под Сталинградом?

— Точно так, пан генерал, — не задумываясь, ответил Филипковский. — Тут не может быть двух мнений. Слишком аппетитно выглядит этот

выступ в обороне русских. И слишком очевидна переброска немецких резервов в район Курска. Тем более все это является подтверждением той информации, которой вы со мной поделились.

— Гитлера там ждет провал, — убежденно сказал Кукель. — Большой провал. Генералы Сталина не дураки. Они уже не раз доказывали, что умеют воевать. Красная армия выдержала два года страшной войны. Мы с вами знаем, насколько она была ужасна для Советского Союза. Но они выстояли. А теперь наносят один за другим удары стратегического масштаба. Здесь речь идет не о тактическом выпрямлении линии фронта, полковник! Для обеих сторон, по обе стороны фронта это стратегическая операция.

— Вы убеждены, что немцы потерпят неудачу под Курском? — спросил Филипковский.

— Этого не знает никто, — отозвался генерал. — Обе стороны приложат максимум усилий, чтобы добиться своих целей. Но у нас есть своя цель — у Великой Польши есть своя цель даже в этой битве. Германия бросит в бой все резервы, она уже сейчас стянула под Курск практически все свои танковые армады. А если Советы разгромят танковые армии Гитлера?

— Как? — удивился полковник.

— Не знаю! — резко сказал Кукель. — Но нам нужно готовиться и к такому развитию событий. Если Красная армия разгромит здесь гитлеровцев и ринется на Запад, то у немцев не будет возможности за короткий срок восстановить численность танковых армий, им негде будет взять горючее для танков. Резервы Германии истощаются, резервы покоренной Европы истощаются, вот в чем проблема, Януш.

— Значит, нам надо готовиться к новой тактике борьбы?

— Именно! Мы не должны допустить, чтобы Советский Союз в короткие сроки вышел к границам Польши. Польшу должны освободить западные союзники, на территорию Польши не должны войти советские войска.

— Но у нас не хватит сил, чтобы противостоять Красной армии, даже войска Германии с нею не справляются.

— Правильно. И поэтому наша задача использовать не только все силы Армии Крайовой, но создать условия, в результате которых украинское националистическое движение активно включится в борьбу, ударит по тылам Красной армии. И тогда Советы будут вынуждены приостановить наступление на Запад и заниматься своими тылами.

Мариан Кукель хорошо знал планы польского правительства в Лондоне. Собственно, эти планы были планами не только Польши, но и планами Великобритании и США. И в соответствии с ними Армия Крайова до поры до времени не вела активных боевых действий. Ее задачей был сбор и накопление сил и ресурсов для будущего восстания в момент взаимного истощения сил СССР и Германии. И в 1942—1943 годах, в отличие от других патриотических движений в стране, Армия Крайова придерживалась стратегии отказа от партизанской борьбы. Удивительно, но получалось, что самая большая вражда, боевые стычки подразделений Армии Крайовой происходили не с немецкими частями, а со своими же поляками — бойцами Гвардии Людовой. Другой силой, активно поддерживающей народное движение, приветствующей Красную армию и активную борьбу с нацизмом в Европе. Польскому правительству в Лондоне, а точнее, самому Британскому правительству, не нужно было коммунистическое движение в Польше. После войны там не должно прийти к власти коммунистическое правительство, ориентирующееся на Советский Союз. Этого допустить было нельзя любой ценой, пусть и ценой жизни сотен тысяч поляков. И в

течение 1943 года в результате боевых столкновений было убито несколько видных командиров Гвардии Людовой.

Они встретились случайно. Сосновский увидел Машу Селиверстову, когда она выходила из парикмахерской, оправляя форменный ремень на гимнастерке и надевая, с явным сожалением, черный форменный армейский берет. Михаил остановился, любясь спортивной фигурой девушки, которую не портила даже военная форма. Было что-то в этой спортсменке от мужской суровой силы. И не только физической, но и эмоциональной. И все же эта сила не могла скрыть то неистребимое женственное, грациозное, что в девушке изначально заложила матушка-природа.

Михаил стоял и любовался фигурой Марии, ее сильными стройными ножками, походкой. Он вспоминал ту операцию под Новороссийском, когда они искали секретную торпеду. Вспоминал минуты опасности и приятные минуты, проведенные с Машей. Нет, между ними ничего не было, кроме симпатии. Это было видно по ее глазам, по учащенному дыханию, по случайным прикосновениям рук. Наверное, так же глупо выглядел и сам Михаил в те минуты, когда подобным же образом выражал свою симпатию, но что делать,

природу не обманешь, и притяжение женщины вызывает ответное притяжение мужчины. Опомнившись, он согнал с лица блаженную улыбку и поспешил за девушкой. Догнав ее в самом конце улицы, Сосновский окликнул Селиверстову:

— Маша! Подожди!

Девушка обернулась на голос, и тут же на ее сосредоточенном серьезном лице вспыхнула солнышком улыбка. Эта улыбка была такой открытой и такой теплой, что и у Михаила стало тепло на душе. Обрадовалась, не забыла, вспоминала!

— Миша? — Брови девушки удивленно поднялись.

Сосновский улыбнулся, млея от осознания того, что Маша впервые назвала его именно Миша, а не Михаил, как раньше. Это говорило о многом.

— Это чудо, что мы с тобой увиделись, встретились, — сказал он и взял девушку за руку. — Немыслимое чудо на войне.

— Я рада, что ты живой, Миша, — тихо сказала Селиверстова. — Где ты, как? Хотя, глупая, о чем я спрашиваю! Мне не положено знать о вашей секретной работе. Скажи хотя бы, сегодня ты еще в Москве?

— Да, а ты?

— Я до двадцати двух ноль-ноль свободна, — блеснула Маша глазами.

Они стояли и смотрели друг на друга. И все чувства, что появились тогда, во время совместной работы под Новороссийском, снова всколыхнулись в душе. Но тут в романтику ситуации вмешалась проза военной жизни. К ним подошел военный патруль и проверил документы. Михаил взял Машу за руку и повел ее на бульвар, продолжая расспрашивать. Но через два квартала их снова остановил гарнизонный патруль.

— Миша, нам так и не дадут поговорить, — улыбнулась девушка. — Я, конечно, могла бы пригласить тебя к нам в общежитие, но...

— Но лучше не стоит, — продолжил ее мысль Сосновский. — Там нам тоже не дадут пообщаться. Есть встречное предложение: пойдём ко мне. Здесь недалеко моя квартира. Ну, не моя, конечно, квартира, которую я снимаю. В ней немножко неубрано, потому что времени заниматься хозяйством, как ты понимаешь, нет совсем. Но я обещаю, что там не будет патрулей!

Ожидаемого бардака в квартире Сосновского Маша не увидела. Там почти не было мебели: диван с высокой спинкой, покрытый коричневым шерстяным одеялом, старый круглый стол в центре комнаты, один стул и одна табуретка. На

гвозде у двери висели брезентовая плащ-палатка и офицерский планшет. Окно, по обыкновению того времени, было закрыто старыми газетами.

Выгрузив на стол продукты, купленные по дороге, Сосновский хитро подмигнул, подошел к дивану и вытащил из-за его спинки бутылку грузинского вина. Они сидели и разговаривали, вспоминали, чокались, звонко ударяя гранеными стаканами. Помидоры, вареная картошка и маленький кусочек сала — не самая лучшая закуска для хорошего вина. Но Сосновскому было чем гордиться. Из планшета он извлек заветную плитку шоколада, которую неизвестно для чего берег почти месяц. Может, чувствовал, что будет вот такая встреча и шоколад окажется весьма кстати.

Приятное тепло разошлось по телу. Михаил видел глаза девушки, и весь мир казался ему таким далеким и нереальным. «Что со мной? Уж не влюбился ли я? Эй, разведчик, возьми себя в руки». Все эти мысли плавно текли в его голове, как поток теплого летнего воздуха. И не хотелось спешить, не хотелось вспоминать о войне. Вот просто так посидеть, всего несколько часов, как когда-то в 37-м, во время отпуска, последнего своего отпуска, когда он с девушкой катался на лодке по озеру и весь мир казался ему далеким.

И только ее ситцевое платье, и белые носочки, и плеск воды под веслом, и ее смех.

— Миша, мы же можем никогда больше не увидеться!

Глаза девушки оказались так близко, он ощущал ее дыхание. Маша говорила тихо, но в ее голосе было столько печали, что он закрыл ее губы ладонью, заставляя замолчать. А потом накрыл их своими губами. Они целовались сначала нежно, чуть касаясь друг друга, ласкаясь губами, но потом молодость и страсть взяли свое. Сосновский начал целовать девушку жадно, горячо. Его сводил с ума ее тихий стон. И он стал ласкать ее грудь, и ремень с гимнастерки Маши упал на пол. А потом они оказались на диване, отбросив в сторону шерстяное одеяло. И Сосновский успел подумать, что постельное белье на диване не такое уж и свежее...

Мариан Кукель, низко надвинув шляпу на глаза, сидел на заднем сиденье такси, смотрел сквозь пелену дождя на унылые улицы Лондона. Но вот город закончился, и потянулись низкие дома пригородов, поля. Слева сквозь пелену дождя в небо стал подниматься столб паровозного дыма. Машина приближалась к Ист-Молси и знаменитым теннисным кортам, где встречались во

время игры, а также за столиками и за выдержанным скотчем политики, дипломаты, разведчики и бизнесмены. Многие были знакомы друг с другом еще по учебе в Кембридже. Это был своего рода клуб — клуб столичной интеллектуальной элиты. В одном из коттеджей Кукелю была назначена встреча с Кимом Филби, высокопоставленным сотрудником. Насколько удалось понять поляку, Филби был чуть ли не заместителем начальника контрразведки британской МИ-6. Кукелю было и невдомек, что Филби умышленно разрешил догадаться польскому генералу о своем высоком положении в МИ-6. И они постоянно контактировали вот уже на протяжении двух лет.

Взяв мокрый плащ у гостя, горничная проводила его в комнату с камином и сообщила, что господин будет с минуты на минуту. Генерал хмуро проводил взглядом молодую женщину и подошел к камину. Как же его раздражали эти чисто британские манеры, в которых он видел не больше чем обычную «рисовку» перед выходцами из других стран. Вот какие мы, цивилизованные, с хорошими манерами. А вы вышли из хлева, с коровами спите. Протянув руки к огню, Кукель размышлял о том, что уготовят британцы его стране после войны. Действительно ли их помощь бескорыстна? Как заманчиво было войти в единую

европейскую семью, стать равными среди равных. Но что-то подсказывало генералу, что никогда ни Польша, ни другие народы Восточной Европы не станут равными для Британии, Франции, Америки. Даже эта война забудется, к немцам снова будет отношение как к равным. Даже к немцам, но не к славянам.

— Рад видеть вас, генерал, — раздался за спиной голос.

Филби стоял у двери и смотрел на поляка. Взгляд контрразведчика был, как всегда, чист и ясен. В нем была ясно видна эдакая добродушная снисходительность, которая Кукеля откровенно угнетала.

— Погода сегодня просто ужасная, даже для Лондона, — усмехнулся англичанин. — Я полагаю, что вы не откажетесь от кофе и коньяка?

— С удовольствием, — кивнул генерал. — Что может быть лучше для старого солдата, как посидеть за рюмочкой коньяка у камина в тепле.

Когда горничная принесла поднос с кофейником, Филби уже разливал по рюмкам темную жидкость, пространно рассуждая о европейской политике. Кукель вежливо поддакивал, хотя во многом не был согласен с англичанином. Не пропадало ощущение, что Филби в очередной раз прощупывает польского генерала. И как всегда,

разговор вдруг круто изменил свое направление. Кукель не успел даже обдумать свои ответы.

— Вы же понимаете, генерал, что сейчас важна полная консолидация всех союзных сил в борьбе с германским нацизмом?

Поляк поперхнулся и машинально согласился: «Безусловно! Только общими усилиями можно победить врага!» Филби стал каким-то печальным. Его высокий чистый лоб вдруг пошел унылыми складками, а голос стал вкрадчивым. Он протянул руку и по-товарищески слегка похлопал поляка по локтю:

— Пришло время забыть все худое, всю вражду между европейцами. Вы правы: самый главный враг сейчас — это германский нацизм, это Гитлер.

Генерал снова машинально согласился, поскольку в словах англичанина не было ничего такого, что не соответствовало собственным мыслям и убеждениям Кукеля. А Филби продолжал говорить, то и дело задавая один и тот же вопрос: согласен с ним поляк или нет. И генерал соглашался, пытаясь поддержать этот странный разговор. Он уже хотел было спросить, а для чего Филби вызвал его на эту встречу? Ведь она не будет секретом для членов правительства. Но англичанин как будто прочитал мысли своего собеседника и перешел к делу. Открыв небольшой

сейф, замаскированный в стене под гобеленами, он вытащил папку и вернулся с ней в кресло.

— Здесь инструкции для вас и ваших командиров, для польской армии, — заговорил Филби. — Я передаю их сразу вам, но в этом нет никакого нарушения протокола. Мне бы хотелось, чтобы вы, генерал, ознакомились с этими инструкциями и дали свое заключение опытного военачальника. Ваше мнение будет учтено, когда дальнейшая стратегия польского правительства и польской армии будет согласовываться между вашим правительством и правительством Великобритании.

— Да-да, конечно, — солидным тоном сказал польский генерал. — Благодарю вас. Это правильное решение. Ведь никто, кроме поляков, так глубоко не понимает ситуацию в стране.

— На ваш взгляд, все поляки понимают положение в стране? — тут же ленивым тоном спросил Филби, наливая коньяк в рюмки. — Члены других патриотических движений тоже понимают? Гвардия Людова?

— Коммунисты все понимают, но они выбрали себе другие ориентиры: они стремятся к консолидации с Советским Союзом. Но это односторонний путь.

Они потягивали коньяк и беседовали еще около часа. И о раскладе сил в Польше, и о взаимо-

отношениях с советскими партизанами, с украинскими националистами. Генерал так и не понял, что под видом своих собственных убеждений он выдал Филби рекомендации руководства относительно ближайших событий. И когда Кукель поднялся, чтобы покинуть коттедж, и протянул Филби руку, тот вдруг смутился, хлопнул себя по лбу рукой и заговорил извиняющимся тоном:

— Прошу простить меня, генерал, я ведь вам передал устаревший вариант планов. Ах, как неудобно получилось! Что подумают о нас ваши руководители, ваше правительство? Мы поступим следующим образом, господин генерал. Я заберу планы и передам вам современные. Ну, скажем, дня через два. Вы ведь еще будете в Лондоне?

— Извините, но я покину остров завтра утром. Служба!

— Вот завтра утром вы и получите на согласование документы, — заверил собеседника Филби, снова крепко пожимая поляку руку.

Когда генерал вышел, Филби прошел в соседнюю комнату, где возле записывающей аппаратуры сидел оператор и сотрудник разведки Джон Кернкросс.

— Можешь сходить и выпить чашечку кофе, — кивнул оператору разведчик.

— Через пару минут, — сказал Кернкросс и, когда Филби уселся на освободившийся стул, спросил: — Ты уверен, что Кукель с тобой не играл?

— Нет, — качнул Филби головой. — Он просто военный, он не политик и не умеет хитрить. Я знаю его почти два года.

— Ну, что же, судя по информации из нескольких источников, ему готовят реванш. И самое главное, что информация из Берлина есть и у руководства МИ-6. — Кернкросс задумчиво погладил свои прямые английские усы.

— И наша разведка не спешит уведомлять об этом Сталина, — добавил Филби. — А планы строятся уже в том числе и с учетом варианта немецкого проигрыша на этом участке фронта. Наши аналитики считают, что курский реванш у нацистов не удастся. Получи Сталин эти сведения, и удастся избежать напрасных жертв, избежать больших потерь. Вот уже два года Советский Союз в одиночку борется с Гитлером. Все остальные делают вид, будто сражаются. Каждый выжидает, ждет момента, когда можно продать свою помощь выигрывающей стороне подороже.

— Выигрывающая сторона одна, — хмыкнул Кернкросс. — Это СССР, и Европа надеется, что в этой войне Сталин измотает силы своей армии,

и тогда после его же победы будет проще с ним поделить Европу. Европейские политики полагают, что Сталин будет сговорчивее после таких потерь.

— Значит, МИ-6 не будет делиться с советской разведкой имеющимися сведениями по предстоящей Курской операции?

— Думаю, что не будет.

Несмотря на то что всем членам группы Шелестова вернули специальные звания НКВД, все награды, лишний раз появляться в военной форме на людях никому не рекомендовалось. Был момент, когда Шелестову показалось, что их работа в составе единой группы заканчивается. Уже во второй раз членов группы использовали для разных дел поодиночке. Две недели где-то пропадает Коган. Сосновский сутками торчит в Москве, не возвращаясь на базу в ближнем Подмосковье. Да и самого Максима Андреевича вот уже несколько раз дергали на Лубянку для консультаций по старым делам. И когда Шелестов собирался уже уезжать, его неожиданно вызвал Платов.

— Вот что, Максим Андреевич. — Столкнувшись с Шелестовым в дверях своего кабинета, комиссар госбезопасности взял майора за локоть

и отвел к окну. — Завтра всю группу жду у себя в двадцать один ноль-ноль.

— Как мне сообщить Когану и Сосновскому?

— Никак, — коротко ответил Платов. — Сегодня все соберетесь на базе.

Бросив на Шелестова последний взгляд, Платов быстрым шагом ушел по коридору. Максим все еще стоял у окна. Такие взгляды, как он помнил, начальник на него бросал не часто. Наверное, только когда группе предстояло очень сложное или очень опасное задание. Взгляд-оценка! Как будто насквозь видел. «Значит, предстоит что-то из ряда вон выходящее», — подумал Шелестов. Нервы у Платова железные. Он и сам на смерть пойдет не моргнув глазом, и подчиненных пошлет, если надо. Разведчик высочайшего класса. Но мало иметь мужество послать на смерть, надо еще быть уверенным, что твой человек, если надо, не просто погибнет, а выполнит задание. Смерть — это уже дело второе. Она может случиться после успешного выполнения задания, может быть, и во время него, но результат должен быть обязательно.

Шелестов сел в черную «эмку» и поехал по лесной дороге, размышляя о том, какого рода задание их ждет. Он прокручивал в голове все основные и значимые события на фронтах и в тылу. Воз-

можно, готовится что-то, о чем он еще не знает, какая-то секретная операция. Но где, на каком участке фронта от Карелии до Кавказа? На Севере ситуация на фронте стабилизировалась. Шелестов знал, что есть участки границы в Карелии, где немцы так и не смогли ее пересечь. Под Ленинградом идут тяжелые бои, но блокада прорвана, немцев жмут, и линия фронта отодвигается все дальше от Северной столицы. Непонятная ситуация на Курском выступе, но группа добыла и доставила планы немцев по контрнаступлению под Курском с целью прорыва нашей обороны и очередного выхода к Москве. Это уже известно нашему командованию. Харьковское направление? Украина? Может быть, Тамань? Ведь там еще не прорвана фашистская «Голубая линия». Наши войска готовы начать освобождение Крыма. Где?

Машина катилась по мягкой песчаной дороге, входя в плавные повороты между соснами. В лесу было тихо, пахло хвоей, и Шелестов, опустив стекло на двери, с наслаждением вдыхал лесной воздух. Группа жила на территории бывшего пионерского лагеря в Подмосковье. Вообще-то, там были какие-то склады НКВД, поэтому территория хорошо охранялась. Но группа Шелестова просто там жила, имея пропуски на территорию и

занимая часть старого детского корпуса с верандой. Водопровод работал, имелся душ с большим черным просмоленным баком на крыше, вода в котором нагревалась на солнце. В лагере была и удобная спортивная площадка, которой группа постоянно пользовалась.

К этой площадке Шелестов и подъехал, увидев, что Буторин снова бежит по дорожке вокруг площадки, разрабатывая ногу после ранения. Увидев командира, Виктор остановился, пересек площадку и, усевшись на лавку на краю волейбольной площадки, принялся разминать ногу пальцами.

— Есть новости? — спросил Буторин, подняв голову.

— Как нога? — вопросом на вопрос ответил Шелестов, усаживаясь рядом с ним на лавку.

— Нормально, — проворчал Буторин. — Слушается. Так, побаливает немного перед непогодой, а в остальном норма.

— Это хорошо, что норма, — задумчиво сказал Шелестов, глядя на неподвижные верхушки дубов. — Пахнет-то как хорошо. Я с детства помню этот запах — запах дубового леса. Дача у отца была в дубовом лесу. На этом запахе и вырос. Теперь для меня этот запах — запах детства. Беззаботного, счастливого, ничего не предвещавшего. Ни страшной войны, ни глупых репрессий.

— Ты чего, Максим? — Буторин подозрительно посмотрел на товарища. — Что за разговоры, что за тоска по детству? Нашел время!

— Да это я так, — усмехнулся Шелестов. — К слову пришлось. Размышлений много в последнее время, вот мысли порой и возвращаются далеко назад. И здесь дубами пахнет. Задание нас ждет, Виктор. Какое — не знаю, но Платов ждет группу в полном составе завтра к девяти вечера.

— А Коган, Сосновский? Их где черти носят? — Буторин закончил массировать ногу, выпрямился и погладил свой седой ежик на голове. — Делом заняты или отдыхают в санатории?

— М-да, санаторий, — рассмеялся Шелестов. — Платов сказал, что Борис с Михаилом вернутся в группу. В этом смысле ничего не изменилось.

— Ты хоть какое-то представление имеешь, куда нас хотят послать и зачем? — помолчав, спросил Буторин. — Чувствуется и по сводкам, и так, по атмосфере, что дела происходят на фронтах интересные. Туго фрицам приходится. Не срок первый год.

— Я согласен с тобой, но увы. Платов ничего предварительно не сказал. Я, пока сюда добирался, тоже все голову ломал. Пытался вычислить хоть примерное направление. Горячо сейчас ве-

зде: на каждом из фронтов, на каждом из стратегических направлений и на каждом тактическом участке. Если разобраться, то ждем мы немцев, и довольно успешно. Сейчас в основном все наши операции на фронте проводятся успешно. А немцы явно утратили боевой дух. Да и с ресурсами у них не очень хорошо. К каспийской нефти прорваться не удалось, с Кавказа отошли: испугались после Сталинграда еще одного окружения.

— Может, задание будет в нашем тылу? — предположил Буторин.

— Может быть, — согласился Максим. — С поставками по ленд-лизу тоже не все гладко. Немцы усиленно нашпиговывают маршруты своей агентурой, пытаются срывать работу. Ладно, завтра посмотрим, что для нас приготовили.

Вечерело. Столовая закрывалась, но дежурный повар сказал, что оставил порции для двух человек. Коган и Сосновский заявили, когда уже совсем стемнело. Буторин, задремавший было на своей кровати, быстро поднялся навстречу друзьям.

— Явились, пропадущие! — Он обнял Бориса, потом Михаила. — Ну, рассказывайте, где вас носило! Военную тайну раскрывать не обязательно, но, может, вы нам хоть как-то намекнете, куда нас теперь забросят.

— Пошли в столовую, — махнул рукой Шелестов. — Виктор, ты лучше сходи повара приведи, пусть разогреет ребятам ужин.

Через пятнадцать минут они вчетвером сидели в пустом зале, где когда-то было шумно от гомона детворы. Даже на стенах кое-где еще остались плакаты и кумачовые транспаранты, призывавшие пионеров быть достойными продолжателями дела старших товарищей. Коган накинудся на гречневую кашу с мясом так, будто не ел неделю. Сосновский только задумчиво крошил хлеб и ковырял в тарелке ложкой. Максим заметил, что у Михаила какое-то странное выражение лица. Мечтательное.

— Да хрен его знает, куда нас забросят, — прожевывая пищу и запивая кашу холодным компотом, заявил Коган. — Я по большей части разбирался и консультировал по старым уголовным делам бандитов, осужденных за попытки захвата власти в ряде уездов в двадцатые годы. Появился у них кое-какой выход на Запад по этим делам, вот и привлекли меня, чтобы вспомнил, посоветовал. Я и подсказал, кто из бывших что конкретно собой представлял.

— А ты, Миша? — Шелестов посмотрел на Сосновского.

— Я? — Михаил неопределенно пожал плечами: — Я по своим старым делам помогал. Тем делам, которыми занимался в Германии, когда работал там по дипломатической линии. Кое-кто из известных немецких разведчиков объявился на горизонте. Руководство собирает максимум сведений об их связях на политическом уровне. Кто и где работал, где имел агентуру, кого вербовал, где пользовался влиянием, с кем спал, кому взятки давал.

— М-да, — покачал Шелестов головой. — Ладно, хватит гадать на кофейной гуще. Завтра все узнаем у Платова.